

Христиан Хаке

Первые контуры внешней политики Большой коалиции в Германии

Введение

В первые месяцы Большой коалиции доминирует примат внешней политики. Это поражает, ибо заключительная фаза красно-зеленого правительства, а особенно предвыборная борьба, находились под знаком внутренней политики.

Вступив в должность, г-жа федеральный канцлер быстро овладела внешнеполитической инициативой и обрела убедительность, совершив удачные визиты для представления как в ряд стран Европы, так и по остальному миру¹. В начальные месяцы работы на новом посту министр иностранных дел Штайнмайер также снискал немало симпатии благодаря своему осмотрительному профессионализму. За это время вошел в курс дела и министр обороны Юнг.

Большая коалиция должна реагировать на новые вызовы. Спор с Ираном вокруг его атомной программы, участие Германии в миссии в Конго, волнения в Африке и на Ближнем Востоке, а также ощущаемая по-новому зависимость Германии в энергетической политике требуют изменений и переориентации. Столкнулась ли немецкая внешняя политика с новым изменением парадигмы, как это произошло после 11 сентября 2001 г. и в ходе смены времен, наступившей в 1990 г.?

¹ G. Nonnenmacher, *Erfolg mit kleinen Schritten* // „FAZ“, 3.02.2006, S. 1.

Необходимо ответить на три ключевых вопроса: что возможно с точки зрения внешней политики? Что находит внутриполитическое согласие? И как обстоит дело с внешнеполитической общностью в коалиции?

Прежде всего речь идет об оценке ситуации в мире и выводах, которые сделает из этой оценки Большая коалиция.

Подлежащее объяснению изображение ситуации предлагает деление мира на три части – зоны постмодерна, классического модерна и отсталости, т.е. зону, не достигшую уровня модерна².

Мир постмодерна, в который входят государства-члены ЕС, характеризуется открытыми границами, высокой плотностью интеграции, благосостоянием и миром. В этом Германия, как и прежде, видит одно из приоритетных направлений своей внешней политики.

Во второй зоне – классического модерна – доминирует политика силы в соответствии с мерой национальных интересов, равновесия и права на ведение войны. В этой зоне, составляющей преобладающую часть мировой политики, Федеративная республика до сих пор слишком мало заявляла о своем присутствии.

Третья зона мира, почти идентичная с т. н. «третьим миром», характеризуется ослабевшими и потерпевшими крах государствами, например, в Африке, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь-то и лежат корни терроризма и находятся его центры, а также проходят линии связи между терроризмом, новыми войнами и новыми глобальными проблемами, в числе которых следует отметить голод, эпидемии, организованную преступность и торговлю людьми. Германия стала активной в этой сфере после 11 сентября 2001 г.

² Ср. об этом R. Cooper, *Gibt es eine neue Weltordnung?* // D. Senghaas (Hrsg.), *Frieden machen*, Frankfurt/Main 1997, S. 102; U. Menzel, *Comeback der drei Welten: Der amerikanische Sonderweg und die Alternativmacht Europa* // „Blätter für Deutsche und Internationale Politik“, 12/2003, S. 1453-1462.

Есть тезис, гласящий, что такое государство, как Германия, только в том случае и сможет сыграть ключевую роль в мировой политике, если оно утвердится во всех трех мировых зонах. Осознала ли это Большая коалиция?

Германия в евроатлантическом мире постмодерна

В этом мире важны прежде всего германо-американские отношения, испытывавшие, однако, воздействия турбулентности при красно-зеленом правительстве. Федеральный канцлер Меркель быстро отреагировала на сложившуюся ситуацию, устранив прошлые раздражения, и сумела вернуть доверие. Ее предложение по партнерству в условиях лидерства (*Partnership in Leadership*), которое президент США Дж. Буш-старший сделал немцам уже в 1989 г., ошеломило, но Ангела Меркель не набивается в друзья к президенту Бушу, как опасались некоторые, а соблюдает деловую дистанцию. Во время своего первого визита в США она открыто заговорила о Гуантанамо, а в начале мая 2006 г. предостерегала от агрессивности в отношении Ирана. В узком кругу нередко осуществляется критика, вовне остается обеспеченным тесное единение. Стоит только представить себе, что федеральный канцлер Шрёдер проявляет подобную гибкость уже во время иракского кризиса. Г-жа Меркель нашла, очевидно, наилучший способ выступить в пользу Буша как главного союзника на европейском континенте – ввиду неустойчивости в других крупных государствах Западной Европы³.

Однако сохраняется и основная проблема. США не являются больше признанной державой, поддерживающей мировой порядок, они стали частью проблем, имеющих политическое значение для всего мира. Поэтому неудивительно, что в Германии и Европе слышны выступления в пользу большей удаленности от США; кроме того, возрос антиамериканизм. Для верных принципам приверженцев атлантизма это

³ Ср. *Westliche Einheitsfront im Atomstreit mit Iran* // „NZZ“, 5.05.2006, S. 1.

означает наступление трудных времен в политике и науке, ибо при такой администрации в Вашингтоне лишь с большим трудом осуществляется политика, полная доверия, предсказуемая и проникнутая духом общности.

Если до 2001 г. Вашингтон в качестве мягкого гегемона заботился о безопасности Германии и Европы, то с момента вступления в должность президента Джорджа У. Буша, в особенности же с нападения на Ирак и в ходе нынешнего кризиса вокруг Ирана, доминирует неоимперский подход: односторонность, ведение превентивной войны, пренебрежение новыми глобальными вопросами, преувеличенное сознание собственной миссии (согласно религиозной позиции) и новая тенденция к уверенности в своей правоте указывают на наличие глубоких изломов в американской внешней политике, обнаруживающих во всех трех мирах фатальные последствия. Внешнеполитические координаты в трансатлантическом мире переместились особенно сильно для таких близких партнеров, как Германия; Европа кажется в большей мере предоставленной самой себе. Ангела Меркель выступает за Европу, укрепленную на атлантических основаниях, но она ищет прежде всего экономического обновления, чтобы в эру глобализации континент снова стал конкурентоспособным, в том числе и в отношении США.

Европу нельзя обрести в качестве одного лишь ценностного сообщества. Только когда она совместно объединит свои интересы и будет в соответствии с этим действовать силовым образом, она и превратится в фактор, всерьез принимаемый в мире.

На этом фоне восстановление конституционного процесса представляется скорее второстепенным явлением. Г-жа Меркель знает, что за ключевые вопросы интеграции можно будет взяться только после смены правительств в Париже и Лондоне.

Во время своего первого после вступления в должность визита в Париж федеральный канцлер подтвердила значение германо-французских отношений, но намеренно не подхватила формулу Ширака о германо-французской оси. Что

касается Лондона, то и здесь федеральный канцлер разумно соблюдает дистанцию. Она не хочет действовать в чьих бы то ни было интересах. Дистанция для нее – это не изоляция или действия в одиночку, проникнутые национальной самостоятельностью, а предпосылка действий и переговоров, направленных на достижение компромисса, показавших свою успешность в диспуте о бюджете ЕС. Хотя г-жа Меркель искусно вела переговоры и даже уступила Польше 100 млн. евро, воздействие на эту страну оказалось ограниченным, и отношения с ней остались прохладными.

В ходе польской полемики с проектом германо-российского балтийского трубопровода и после германо-российской встречи на высшем уровне в Томске в мае 2006 г., с завершившимися ее новыми соглашениями между Берлином и Москвой в области энергетической политики, отношения с Варшавой едва ли оттаивают. План Качинского по созданию энергетического НАТО также наталкивается на критику со стороны большой коалиции. Напротив, с момента российско-украинского газового конфликта Берлин выступает за стратегию сотрудничества в энергетической политике, которая прежде всего, в соответствии с желанием Штайнмайера, должна развиваться по образу Общеввропейского совещания / ОБСЕ и тем самым быть ориентирована на германо-российское сотрудничество, тогда как Польша со времени Иракского кризиса превратилась в опору американских интересов в Европе – с антироссийской, а теперь и антигерманской заостренностью. Могли бы возникнуть противоречия интересов, выводящие за пределы сферы двустороннего сотрудничества и ставящие перед немецкой внешней политикой коренные структурные вопросы. В ходе дискуссии вокруг вступления Турции в ЕС большая немецкая сдержанность также могла бы привести к возникновению большего объема проблем в отношениях с США. Но если говорить о Европе, то федеральный канцлер Меркель, вероятно, испытывая меньшую нехватку времени и находясь на большей дистанции, сумеет обсудить турецкую проблему.

Как большая коалиция будет в принципе обращаться впредь с проблемами процесса европейской интеграции в поле напряжений между его углублением и расширением, покажут лишь наступающие месяцы.

Говоря о России, федеральный канцлер Меркель подчеркивает прежде всего преемственность стратегического партнерства. В то время как федеральный канцлер Шрёдер не отказывал себе в критике администрации Буша, восхваляя при этом Путина, которого называл кристально чистым демократом, федеральный канцлер Меркель не ставит внешнюю политику по отношению к обеим мировым державам с головы на ноги, но кое-что ставится под сомнение. Хотя Меркель на фоне прежнего преклонения и сигнализирует возросший интерес в сфере энергетической политики, ее позиция в отношении президента Путина остается объективно ориентированной⁴. Между тем новая зависимость от России в энергетической политике вызывает не только довольство. Неудивительно, что в Брюсселе ведется настойчивая работа над совместной европейской энергетической политикой. В Федеративной республике нередко упрекают США в том, что на Ближнем Востоке Вашингтон интересуется только нефтью. Таким же образом утверждается, что Германию в ходе ее проведения политики в отношении России интересует лишь газ.

Хотя европейцы и ожидают многого от немецкого председательства в Совете Европы в 2007 г., Германия вряд ли сумеет оправдать эти ожидания. Она больше не является локомотивом Европы. Например, не соблюдаются критерии пакта стабильности, возросла новая задолженность. Амбициозные экономико-политические цели Большой коалиции следует, таким образом, трезво рассматривать и в европейских рамках. Поэтому Германия должна максимально быстро преодолеть свой экономический туберкулез, иначе решительные заявления и высокие цели производят впечатление недостоверных. Тот, кто потерпел банкротство, может лишь в недостаточной

⁴ Ср. „FAZ“, 17.02.2006, S. 2.

степени не отставать от других и его притязания на руководство производят впечатление показных. Остается надеяться, что Большая коалиция более последовательно отреагирует на экономико-политические вызовы, чем правительство-предшественник. Но лиссабонская стратегия как политический проект, которой покровительствует г-жа Меркель, делает акцент на конкурентоспособности и экономическом росте просто как на добровольном собственном обязательстве, а это лишь в ограниченной мере пригодно в качестве идеала политики интеграции, не говоря уже о европейском сценарии целеустремленности⁵. Центром тяжести усилий по интеграции, предпринимаемых Большой коалицией, станет, вероятно, скорее общая внешняя политика и политика безопасности/европейская политика безопасности и оборонная политика, причем именно запланированная деятельность в Конго даст информацию о новых притязаниях Европы в мировой политике.

Германия перед возвращением в классическую мировую политику?

Большая коалиция уделяет возросшее внимание этой второй зоне. Федеральный канцлер Меркель недвусмысленно желает для Германии и Европы роли более сильной стороны в мировой политике – не только как для гражданской силы.

Это требует взвесить заново национальные интересы в мировом масштабе и, прежде всего, проявить чутье к нарастающей силе и стремлению конкурировать, свойственным новым субъектам, которые хотели бы обладать возможно более выгодной позицией в мире классического модерна.

После упущений, которое совершило предшествовавшее правительство, концентрировавшее свою внешнюю политику на Западной Европе, России и борьбе против террора, Большая

⁵ Ср. Н. Mahold, *Deutsche Europapolitik nach dem Regierungswechsel 2005 // „Integration“, 1/2006, S. 20.*

коалиция хочет теперь заново позиционировать Германию в мире – с точек зрения энергетической политики и экономики.

Кроме того, Германия проявляла значительную активность в связи с новыми кризисами и возникновением новых очагов конфликтов и проявляет себя умным посредником, например, в иранском кризисе. Меркель и Штайнмайер отвергают официальную роль посредника, но в действительности все сильнее заполняют ее содержанием, если Берлин, коль скоро речь идет о дальнейшей активности ООН, пытается посредничать между США и Россией/Китаем, и даже Тегеран признает балансирующую роль Германии.

ООН сохраняет центральное значение с точки зрения глобальных вызовов и роли Германии в мире, но федеральный канцлер Меркель отходит от амбициозных и в то же время потерпевших неудачу представлений красно-зеленого правительства о реформе ООН. Требование о месте для Германии в Совете Безопасности, как представляется, больше не будет выдвигаться.

Активность Германии в мире, не достигшем стадии модерна

В этом мире распавшихся государств, террора и теневых сторон глобализации Германия незаметно, но непрерывно вносит вклад в поступательное развитие, хотя здесь таятся старые и новые опасности: Балканы далеко еще не умиротворены, и прежде всего должен быть урегулирован международно-правовой статус Косово. На Ближнем Востоке Германия совместно с ЕС и США пытается найти новое начало в разрешении палестино-израильского конфликта, который после победы на выборах движения Хамас стоит перед прямо-таки неразрешимыми проблемами⁶.

В то время как федеральный канцлер Шрёдер посетил Израиль только через несколько лет после своего прихода к

⁶ Cp. M. Asseburg, *Nach den palästinensischen Parlamentswahlen*, SWP Aktuell, Febr. 2006.

власти, федеральный канцлер Меркель, совершив визит в эту страну по прошествии недолгого времени с того момента, когда она стала главой правительства, продемонстрировала большое понимание нынешнего положения Израиля. Тем самым она опирается на давние линии преемственности немецко-израильских дружбы и примирения, начало которым положил Конрад Аденауэр⁷. Ее решительное выступление в пользу Израиля оживило в этой стране симпатии к Германии⁸.

Сбалансированная ближневосточная политика ЕС не должна, однако, означать отказа от требования ухода Израиля из оккупированных областей. Как и прежде, имеют силу резолюция ООН № 242 и совместное заявление ЕС по результатам встречи в Венеции 12-13 июня 1980 г., в подготовке которых принял значительное участие министр иностранных дел ФРГ Геншер.

Говоря об Ираке, Ангела Меркель подтвердила позицию правительства-предшественника. Согласно этой позиции, Германия поддерживает формирование демократических и экономических структур, будет тренировать солдат и полицейских, помогать в создании свободной прессы и обучении преподавателей высшей школы и инженеров, но прежде всего Ирак будет освобожден от долгов в сумме 4,5 млрд. евро. О военной активности в Ираке для Германии, однако, речь не идет, и это только последовательно.

В Афганистане Германия сталкивается с поистине неразрешимыми задачами, так как ситуация в области безопасности обострилась с тех пор, как за головы немецких солдат были назначены награды.

⁷ S.-O. Berggötz, *Nahostpolitik in der Ära Adenauer. Möglichkeiten und Grenzen (1949-1963)*, Droste-Verlag, Düsseldorf 1998; N. Hansen, *Aus dem Schatten der Katastrophe. Die deutsch-israelischen Beziehungen in der Ära Konrad Adenauer und David Ben Gurion*, Droste Verlag, Düsseldorf 2002.

⁸ Выступление Меркель на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене (февраль 2006 г.), когда она разъяснила заместителю министра иностранных дел Ирана, что Иран «преднамеренно переступил красную линию».

Так как север Афганистана является цитаделью противников правительства Карзая, войска *ISAF* (Международных сил содействия безопасности) едва ли обладают свободой действий.

Возделывание опиума стало там обязательным делом для мелких крестьян и полевых командиров. Поскольку немецкий контингент *ISAF* не имеет права вмешиваться в локальную политику и не имеет поручения бороться с наркотиками, солдаты должны предоставить свободу действий крестьянам-беднякам, торговцам наркотиками и местным комендантам.

С недавних пор столкновения обострились, не приходится исключать возникновения гражданской войны. После последних покушений радикальных исламистов из движения «Талибан» на солдат бундесвера в Афганистане ЦРУ и БНД предостерегали от «иракизации». Этому способствовали, вероятно, и опубликованные в Европе карикатуры на пророка Мухаммеда и, прежде всего, дело Абдула Рахмана, перешедшего в христианство. Германия поддерживает в Афганистане не развитие в направлении свободной демократии, а строго исламистское государство без религиозной свободы.

Совершенно иное дело – планируемые действия в Конго, обсуждение которых вызывает в Германии споры.

Движимая мотивами, коренящимися в политике стимулирования социально-экономического развития развивающихся стран, министр по экономическому сотрудничеству и развитию Вичорек-Цойль, как и министр иностранных дел Штайнмайер, выступает в пользу этого решения. Критически повел себя поначалу министр обороны Юнг, который при поддержке как части генералитета, так и ХДС/ХСС не делал тайны из своих сомнений, но теперь под давлением развития ситуации руководит соответствующими акциями в качестве главного ответственного за них.

СвДП резко отвергает применение бундесвера в Конго, так как оно не может быть оправдано из-за неясного и опасного положения.

Против этих акций выступает также Левая партия. ПДС, как и «Зеленые», а наряду с ними и фракция ХДС/ХСС, заявившая, что такие действия обойдутся Германии слишком дорого и что есть и другие страны, существенно более предрасположенные для них, нежели Германия.

Противники и сторонники упомянутых акций прибегают к надпартийной аргументации, что представляет собой новое явление.

Их сторонники в рядах ХДС/ХСС, СДПГ и «Зеленых» указывают на немецкую заинтересованность в стабилизации Конго, на имеющиеся там ископаемые богатства и стратегические запасы сырья. Кроме того, они боятся, что в случае распада Конго возникнут новые территории для отхода исламских террористов и уголовных элементов.

Существуют веские причины как согласия, так и отклонения, но сохраняется и основное противоречие. С одной стороны, подчеркивается опасное положение, с другой – минимизируются задачи и возможные опасности бундесвера и делается указание на то, что речь должна идти лишь об эвакуации, спасении и санитарных мероприятиях. Но вместо того, чтобы энергично и убедительно сказать «да» или ясно «нет», в столицах Европы передвигают главную ответственность от одного к другому – ни дать ни взять перекидывают горячие картофелины. Это примут к сведению не только те, кто хорошо относится к акциям в Конго. В конечном счете, малоприятная задача осталась «висеть» на немцах.

Но уже вскоре новые бедствия в Африке могли бы достичь Германии, да и всей Европы: террор арабской милиции в Дарфуре расширяется, а международное сообщество безучастно наблюдает за этим. Соберутся ли наконец с силами свободные и живущие в условиях благосостояния государства мира, чтобы совместно эффективнее позаботиться о свободе и стабильности в Африке? В давно тлевшем, а теперь драматически вспыхнувшем конфликте вокруг ядерных амбиций Ирана федеральный канцлер Меркель и министр иностранных дел Штайнмайер действуют активно и осторожно, добиваясь

дипломатического решения проблемы – с тех пор, как иранское руководство стремится всеми средствами, чтобы его государство получило статус ядерной державы, а США пытаются помешать этому. Сообщество государств встревожено наблюдает как за амбициями Ирана, так и за воинственной риторикой Америки. К сожалению, с момента встречи министров иностранных дел в Берлине в конце марта 2006 г. ситуация продолжала обостряться. МАГАТЭ, ООН и сообщество государств оказались в трудном положении ввиду нарастания спирали напряженности в отношениях между США и Ираном.

Как можно было бы удержать Иран от его ядерных амбиций?

Прежде всего, можно было бы ввести санкции в соответствии с главой 7 Устава ООН. Экономические санкции, однако, представляются в значительной степени исключенными, так как у Ирана имеется достаточно партнеров, готовых к сотрудничеству, что позволит справиться с санкциями. Кроме того, Россия и Китай ввиду своих тесных отношений с Ираном не будут голосовать за эмбарго. Обе страны самым прочным образом связаны с Тегераном из-за торговли нефтью и оружием⁹.

В качестве второй возможности реагирования США рассматривают разрушение исследовательских центров Ирана в результате нанесения авиационных ударов. Не исключается и широкое наземное наступление, как в Ираке, с целью смены режима в Тегеране. На это, однако, не будет получен мандат ООН, так как подавляющее большинство государств отклоняет военные удары, которые могут вызвать крупный пожар в регионе.

В отличие от ситуации 25-летней давности, сложившейся после налета на иракский реактор в Озиреке, приходится считаться с иранскими ударами возмездия. Американские

⁹ Н. Rühle, *Der Atompatte hält schützend die Hand über Teheran, Russland und Iran – Die Geschichte einer fatalen Nuklearbeziehung* // „FAZ“, 27.04.2006, S. 7.

опорные пункты в районе Персидского залива, в Ираке и Афганистане находятся в досягаемости иранских ракет, возможно, оснащенных отравляющими веществами. Тегеран угрожал также при нанесении ответного удара разрушить израильский атомный центр Демона в пустыне Негев.

Так как экономические санкции – обоюдоострая мера, а военный удар имел бы непредвиденные последствия для региона Ближнего Востока и отношения мусульманского мира к западному, то остается только дипломатический метод, с помощью которого надлежит побудить Иран занять примирительную позицию.

Но в свете развития событий в последние месяцы и этот подход представляется поистине бесперспективным. Таким образом, у Запада нет реальных возможностей действия – он стоит перед дилеммами, и, выбирая между различными вариантами зла, он, надо надеяться, выберет меньшее.

Не должен был бы Запад реалистически признать, что Иран будет непоколебимо продолжать свою атомную программу? Не следует ли запретить Ирану осуществление мирной атомной программы, и как можно будет отличить ее от военных замыслов?

Предоставить доказательства в пользу военной программы Ирана сложно. Договор о нераспространении атомного оружия, открытый для подписания с 1968 г., разрешает любому государству, в том числе и Ирану, использование ядерной энергии в мирных целях, пока имеет место отказ от приобретения атомного оружия. Дилемма заключается в тесном техническом параллелизме между мирным и военным применением ядерной энергии, на что уже в середине 40-х гг. прошлого столетия указывал отец атомной бомбы Роберт Оппенгеймер. Поскольку развитие мирного использования ядерной энергии на 95 % идентично с запрещенным, предназначенным для создания атомного оружия, то только к концу осуществления атомной программы можно будет узнать, идет ли речь о мирном использовании или создании ядерного оружия.

Гуру американской ядерной стратегии 50-х-60-х гг. Альберт Вольштеттер указывал в свое время на проблему именно так, как она обнаруживается и сегодня в Иране: *Spreading the bomb without quite breaking the rules* («Сбросить бомбу, не нарушая правил». – Прим. перев.)¹⁰.

Нет доказательств того, что Иран нарушает правила МАГАТЭ, но имеются указания на то, что Иран, в противоречии с договором, преследует военные намерения. Может ли сообщество государств исходить сегодня из того, что Иран, став ядерной державой, останется рационально предсказуемым субъектом и будет рассматривать атомное оружие только в качестве оружия устрашения?¹¹

На этом фоне прямые переговоры, прежде всего США, с Ираном и учет иранских интересов безопасности, являются настоятельно необходимыми. Может быть, иранские элиты и население страны откажутся от некоторых фобий по отношению к Западу? Можно ли мириться с Ираном, обладающим атомным оружием, как с частью сообщества государств, и имеет ли он право на это? Сколь велика угроза региону и миру, исходящая от антидемократически настроенных религиозных фундаменталистов? Именно с учетом интересов безопасности Израиля Германия должна осознавать свою особую ответственность. Благодаря проведению возможно более жесткой и сплоченной политики сдерживания, которая удерживает Иран от агрессивных амбиций, можно было бы, вероятно, добиться и постепенного изменения как внешнеполитического поведения, так и внутреннего устройства страны.

¹⁰ Н. Rühle, *Die Fünf-Prozent-Frage* // „FAZ“, 4.03.2006, S. 8.

¹¹ «Ахмадинежад со своим неконтролируемым темпераментом и агрессивными речами, которые он произносит, несомненно, опасен. Но это имеет мало общего с атомным вопросом. Иранцы уже довольно давно стремились к мирному использованию атома, и на это они имеют право в качестве партнеров по Договору о нераспространении атомного оружия. Для развития, насколько возможно, атомного оружия, им понадобятся еще многие годы. Этот вопрос не следовало бы смешивать с личностью иранского президента». – Интервью Гельмута Шмидта // „Hamburger Abendblatt“, 23.4.2006, S. 4.

Именно в этом смысле федеральный канцлер Меркель, будучи в начале мая с визитом в Вашингтоне, снова провела в ходе обострения конфликта вокруг Ирана точное различие между внешней солидарностью с США и настоятельной необходимостью конфиденциально делать все, чтобы удержать США, а также Израиль, от военного варианта действий по отношению к Ирану. Выдвинутое в Вашингтоне требование федерального канцлера Меркель о том, что «необходимо сплоченно продемонстрировать решительность международного содружества стран», создает оптимальную линию для проведения переговоров¹².

Новый примат энергетической политики

С того времени, как Россия угрожает закрыть газовый кран для Европы, Германия осознает высокую степень своей энергетической зависимости. Россия ведет себя в сфере энергетической политики как мировая держава, обладающая весьма развитым самосознанием.

Заставляет настораживаться не особенно шумная, но обладающая мировой эффективностью энергетическая политика Китая. Да и Иран – не только авторитарное государство с ядерными амбициями, он важен в качестве производителя энергии. Неприятности угрожают и из Латинской Америки, если президенты Венесуэлы и Боливии всерьез говорят о национализации экспорта нефти и газа и не боятся разжечь конфликты вокруг этих природных богатств.

На Ближнем Востоке, в Азии, в Латинской Америке переплетения интересов обостряют имеющиеся конфликты и скрывают зародыши новых. Германия не имеет права попадать в энергетическую зависимость от авторитарных режимов, но вся новая конфронтация вокруг нефти, газа и трубопроводов для нее пока что является «белым пятном»¹³.

¹² Цитируется по „FAZ“, 5.5.2006, S. 1.

¹³ F. Umbach, *Energie für das 21. Jahrhundert* // „Internationale Politik“, 2/2006, S. 8 и далее.

Во взаимодействии между энергетическими интересами и кризисным развитием, отчасти видимым, а отчасти предполагаемым, внезапно возникают новые зависимости, тактики вымогательства и соперничества вокруг власти, совершенно незнакомые Германии и требующие быстрой способности обучаться. Большие и малые державы, не считаясь ни с чем, ищут способа придать значимость своим интересам. Это унижающее требование Германия может лишь в недостаточной степени встретить хорошо продуманным сотрудничеством и многосторонними предложениями об умиротворении. Переоценка немецких интересов настоятельно необходима и с учетом новых имперских манер, свойственных администрации Буша, и громогласно возвещаемой ею готовности к войне, безнадежного состояния Европы и ввиду тенденций общеполитической заброшенности, наблюдаемых в ЕС.

На этой основе требование о проведении новой энергетической политики, выдвигаемое федеральным канцлером Меркель и министром иностранных дел Штайнмайером, неотложно для обеспечения будущего Германии как промышленно развитого государства. На встрече на высшем уровне по энергетическим проблемам, состоявшейся в апреле 2006 г. в ведомстве федерального канцлера, было уделено внимание комбинированному подходу к энергии, который до 2020 г. должен справиться с тремя вызовами: Германия должна стать более независимой от импорта энергии, уменьшить выбросы двуокиси углерода, а цены энергии должны оставаться конкурентоспособными.

Поэтому требуются проведение умной энергетической политики во всем мире, технологические нововведения и новые размышления о ядерной энергии.

Но в Большой коалиции мнения расходятся как раз по поводу ядерной силы. Ее снова положительно оценивают прежде всего ХДС/ХСС и СвДП, так как она могла бы закрыть на переходное время энергетические пробелы, которые затем были бы ликвидированы примерно за 15-20 лет с помощью новых энергоносителей. Коалиционный партнер СДПГ

по-прежнему, однако, говорит «нет» и получает твердую поддержку от «Зеленых», хотя и общественность снова положительно рассматривает атомную энергию.

Большая же коалиция со своим «нет» ядерной энергии остается в противоречии с европейской тенденцией, видящей эту энергию в восходящем движении. Сообщество будет отклонять планы Германии в сфере энергетической политики, не предусматривающие использования атомной энергии. Вследствие этого немецкая энергетическая политика оказывается сферой политики Германии, в наименьшей степени совместимой с принципами ЕС¹⁴.

Германия не может очередной раз, теперь в энергетической политике, пойти своим особым путем. Ее усилили бы меньшая зависимость от России и положительная оценка атомной энергии, произошло бы ободрение в рамках европейского сообщества, была бы обеспечена и укреплена ее ведущая в мировом масштабе роль в сфере энергетических технологий.

Неустойчивые внутривнутриполитические основы?

В соответствии с принципом «Внешняя политика начинается дома» федеральный канцлер Меркель ищет прежде всего эффективности в экономической политике и восстановления присущей немцам уверенности в своих силах. Остановить экономическую мышечную атрофию – вот какова основная предпосылка проведения сильной внешней политики¹⁵.

Намерение похвально, но последовавшие до сих пор меры, как и подходы в области экономико-политических реформ, представляются недостаточными. Государственная задолжен-

¹⁴ F. Umbach, *op. cit.*, S. 13.

¹⁵ Из выступления федерального канцлера Меркель 3 февраля 2006 г. на конференции по проблемам безопасности в Мюнхене: «Мы как новое федеральное правительство намереваемся, чтобы за ближайшие десять лет Германия снова заняла позицию в лидирующей группе Европейского союза с точки зрения роста, занятости и способности к нововведениям. Это предпосылка для того, чтобы мы, опираясь на внутривнутриполитическую силу, взяли на себя и внешнеполитическую ответственность».

ность растет, экономика Германии продолжает слабеть. Кроме того, внешняя политика не находит того внимания среди общест­венности, которое должно было бы подбо­тать ей в стране.

Несмотря на злободневный примат внешней политики, она в целом играет подчиненную роль. Расстановка внешнеполитических акцентов отнюдь не способствует карьерным перспективам политика. Поэтому в Берлине не хватает умных голов, ориентированных соответствующим образом. Как и прежде, в Германии недостает понимания общего внешнеполитического контекста. Еще и поэтому Германия не вооружена для новой эры глобализации, она еще не нашла свою новую роль в мире. Необходимость национального самоутверждения в международной политике так пока и не осознана в полной мере ни элитами, ни народом.

Итог

Обзор важнейших во внешнеполитическом отношении очагов кризисов показывает, что Германия с разной степенью успешности действует в трех сферах мировой политики. В первой сфере, зоне постмодерна, ее главнейшими партнерами являются США и Европа. Если еще несколько месяцев назад доминировала проникнутая антиамериканизмом миролюбивая риторика СДПГ, то теперь федеральный канцлер обрела в Вашингтоне уважение к своему внешнеполитическому курсу и, посетив США второй раз в мае 2006 г., сумела далее углубить основу доверия. Динамика политического развития в мире исходит, однако, как и прежде, из США, которые, в противоположность Германии и ЕС, прочно укоренены прежде всего в зоне классического модерна мировой политики и доминируют в ней.

С учетом развития отношений внутри ЕС можно констатировать, что проявленные федеральным канцлером Меркель гибкость и умение вести переговоры укрепили реноме Германии как надежного партнера. В целом, однако, приходится отметить определенную стагнацию, так как и новое федераль-

ное правительство не вскрыло важнейший самообман, касающийся одновременного расширения и углубления союза. Экономическая слабость Германии парализует и политическое развитие Европейского союза с его амбициями, касающимися мировой политики.

На второй фазе внешней политики классического модерна, когда преобладает силовой расчет и доминирует межнациональное соперничество, Германии предстоит сделать еще много. Политика последовательного отстаивания национальных интересов – это не альтернатива, а дополнение идеи гражданского сообщества. В конце концов благо Германии, Европы и стабильный мирный миропорядок могут быть достигнуты только в том случае, если при обращении с государствами, ориентированными на «классическую силовую политику», – Россией, Китаем и Ираном – и демократические гражданские державы проявят волю к мобилизации всех средств для самоутверждения. Желательно было бы чуть больше Бисмарка и чуть менее Хабермаса.

В третьей сфере государств, не достигших уровня модерна, отсталых и распадающихся, Германия с 11 сентября 2001 г. и в ходе войны против терроризма доказала свою большую активность. Германия внесла важный, в том числе и военный, вклад в развитие событий на Балканах и в Афганистане. Правда, недавние дебаты вокруг участия в акциях в Конго показали, что и здесь необходимы ясно определенные интересы и концепции. Министр обороны Юнг стремится к принятию новых директив в сфере политики безопасности, которые должны дать ответы, соответствующие духу времени и ориентированные на будущее¹⁶.

Необходима предусмотрительная политика, имеющая опору также во внутренней и коалиционной политике. В противном случае коалиция однажды могла бы столкнуться с дилеммой, которая будет означать риск раскола по внешнеполитическим линиям или погружение в стагнацию – в том,

¹⁶ F.J. Jung, *Wir müssen Verteidigung neu definieren* // „FAZ“, 2.5.2006, S. 1.

например, случае, если сторонники ядерного оружия со всей настоятельностью потребуют поворота, или в случае, если как американский унилатерализм, так и российский шовинизм вобьют клин между ХДС/ХСС и социал-демократами. Еще и поэтому федеральный канцлер Меркель последовательно пытается добиться осуществления своей стратегии обособленного рассмотрения. Эта позиция, в принципе правильная, могла бы, однако, стоить обеспечения будущего Германии.

Широкая дискуссия в общественности и бундестаге о роли Германии в Европе и мире давно уже назрела. Германия должна сама больше созидать и стать активнее, развивать новые направляющие идеи и коренные интересы, которые, однако, должны поддерживаться и отстаиваться в умном балансе с общеевропейскими интересами. На этом пути Германии следует снова стать якорем стабильности евроатлантического мира постмодерна, так как лишь таким способом она может и в собственных интересах устойчиво влиять на сферы и классического модерна, и на те, что не достигли уровня модерна.

В самом начале своей деятельности Большая коалиция осознала множество внешнеполитических вызовов, но остается сделать еще много.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)